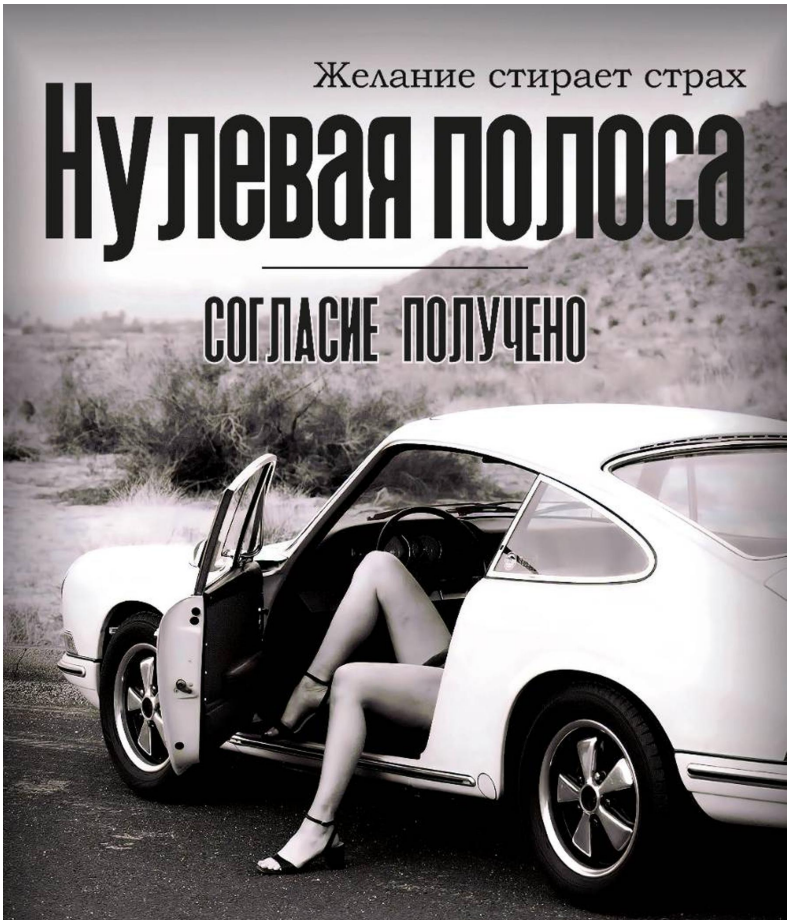
Желание стирает страх

Нулевая полоса

СОГЛАСИЕ ПОЛУЧЕНО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Ю. Буреве

18+

Юрий Буреве

Нулевая полоса

https://litres.ru/74750724
SelfPub; 2026

Аннотация

Согласие получено — но Лера не помнит, когда успела его дать. Не помнит, кому. Тело помнит лучше: как по спине сползало платье, как большие пальцы скользили по бёдрам, неторопливые, знающие её лучше, чем она сама. Как она выгибалась навстречу чужим рукам — и не хотела, чтобы они останавливались.

Желание стирает страх. Тихо, вежливо, поцелуем за ухом, от которого сводит бёдра. Страх остаётся — но уже не её.

Она не догоняет, а ждёт.

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Ноль 7
Глава 2. Попутчик 14
Глава 3. Пиджак 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Юрий Буреве
Нулевая полоса

Пролог

Радио включилось само.

Лера не трогала магнитолу от самого города: ни музыки, ни голосов ей не хотелось. Хотелось дороги и белых столбов — они шли навстречу по одному, как счёт. Но там, где трасса уходила в лес и фары выхватывали из темноты всё меньше, между частотами зашипело, и из шипения, как со дна воды, поднялся женский голос.

— Смирнова Анна Викторовна. Ехала на юг. Не доехала. Если вы её слышите — передайте домой.

Рука сама потянулась к кнопке. Лера заметила это, когда палец уже лёг на холодный пластик, — и убрала руку, не нажав.

— Плотников Сергей Юрьевич. Ехал на север. Не доехал. Если вы его слышите — передайте домой.

Имён набралось штук двадцать. Лера слушала так, как слушают вокзальное объявление, когда поезд давно ушёл: не вникая, за одним звуком. Имена были простые, из телефонных книг. Голос не спешил и не ставил точек. Между именами он держал паузу — Лера не заметила, когда начала её

считать. Четыре секунды. Каждый раз четыре. Ровно столько, чтобы слушатель успел додумать за человека всё, о чём не сказано.

— Хмелёва Вера Андреевна. Ехала к сестре. Не доехала.

Сестра. Никакой сестры у Веры Хмелёвой не было — Лера знала это так же твёрдо, как своё имя. И так же не могла объяснить, откуда знает само это имя. Оно прошло сквозь неё и осталось под рёбрами — как звенит стакан на краю стола, когда по дому проехал грузовик.

Она убавила громкость. Голос не исчез.

Она выключила магнитолу. Голос остался.

— Громов Дмитрий Андреевич.

Стрелка спидометра дрогнула — или это дрогнула рука на руле. Фары упёрлись в стену леса, и на миг в их свете проступила правая обочина. Пустая. Пустая, как выдохнутая комната.

— Ехал один. Не доехал.

Пять секунд. Не четыре.

— Митя.

Не «Громов Дмитрий Андреевич». Митя. Так его звали трое живых людей на свете, и двое из них — мама и она сама.

— Митя.

Во второй раз голос изменился. Чуть-чуть: на полинтонации, на излом в конце, на то, как повисает последнее «я». Это уже не читали имя из списка — это звали. Так зовут из другой комнаты, с кухни, когда ужин стынет, а кричать не

хочется. Так зовут без надежды, что услышат, по привычке — как молятся.

Лера знала эту интонацию. Не могла сказать откуда — как и имя Веры Хмелёвой.

— Если вы его слышите, — сказал голос, и это был уже не эфир, не помехи, не трасса, — передайте домой.

Радио погасло. Синий огонёк частоты, не гаснувший даже при выключенной магнитоле, выгорел, как глаз. В салоне осталось только дыхание, и Лера долго не могла вспомнить, её ли оно. Она сидела, не выпуская руль, и смотрела, как белые столбы выбегают навстречу. Каждый — пустой, ровный — был похож на человека, которого она пообещала куда-то передать.

Запись была сделана завтра.

Глава 1. Ноль

Город отпустил её молча, без прощания, на последнем светофоре. Тот мигал зелёным так одиноко, что его хотелось обнять. Дальше дорога легла прямо, как нить, зажатая между пальцами. Лера ехала без музыки и почти без мыслей: фары, печка, ровный гул мотора, который понемногу вытеснил из головы всё остальное. Ступни стыли, и она уже жалела, что вышла из дома без белья. Остановиться всё равно не хотела.

Окно она приоткрыла на ладонь: печка сушила воздух до першения в горле.

Платье задралось на бёдрах, и струя из окна скользнула по голой коже, свежая, почти приятная. Лера не стала его поправлять.

Первый столб появился минут через сорок после города. Белый, с чёрной цифрой. Километр «ноль».

Странно. Ноль бывает на границе региона, на въезде, в начале пути. Но не в сорока минутах от города, посреди темноты, где ничего не начинается. Она думала об этом ровно столько, сколько позволяет мысль, которую не хочется додумывать, и прибавила газу.

Через двенадцать минут снова ноль. Тот же столб, та же царапина на боковой грани, похожая на след ногтя, только свежая.

Она глянула в навигатор. Точка ползла вперёд, уверенная

и мёртвая, отмеряя километры, которых у этой дороги не было. Карта и стрелка сговорились между собой, а её в сговор не взяли.

Ладони взмокли. Капля скатилась по запястью и ушла под рукав, первая за ночь.

Третий ноль она пропустила, задумавшись. Четвёртый увидела издалека: белое пятно, потом столб, потом цифра. Цифра была выведена поверх старой, смытой. Ноль поверх нуля, как счёт, который начинают заново.

Пятый. Шестой.

На шестом она остановилась. Вышла, посветила телефоном.

Столб был старый, облупленный, и лежала на нём берёзовая тень, которой неоткуда было взяться: берёзы остались метрах в трёхстах позади. На бетонной грани, на уровне руки, кто-то выцарапал ногтем «0». Счёт тянулся по столбу, а дальше по дороге, от столба к столбу, как лихорадка по телу.

Пахло сыростью и ещё чем-то. Запах был знаком наверняка, но без имени.

Когда она тронулась с места, одометр щёлкнул. Цифры пошли назад: 2-1-0-4 стало 2-1-0-3. Лера смотрела, как её путь течёт вспять, словно вода в сливе, закручивающаяся не в ту сторону. Сверять показания с навигатором она не стала. Дорога не отбрасывает её назад и не гонит вперёд, она уже поняла. Дорога держит её на одной точке и листает вокруг, как страницы, ничего не оставляя от прочитанного.

Седьмой ноль она проехала, не глядя.

И сразу за ним, на обочине, стояла девушка.

Та самая. Лера видела её двадцать лет назад. Теперь той девушке было бы за сорок, а она стояла в том же свитере с красными ромбами, с той же длиной волос, ни на день не изменившаяся. Время, которое идёт вместе с человеком, оставляет на нём следы. Время, которое проходит мимо, не трогает его вовсе.

Лера успела разглядеть лицо. Оно смотрело не на машину, а на Леру, сквозь лобовое стекло и темноту. Так смотрят люди, которые ждали свой автобус и наконец дождались.

На пассажирском сиденье, которое секунду назад было пустым, лежала перчатка. Левая, кожаная, старого покроя. Тепло чужой руки ещё держалось в ней.

Лера не притормозила, но пальцы сами потянулись к бардачку. Там с прошлой зимы лежала её вторая перчатка. Бардачок был пуст. А она точно знала, что перчатка там. Это знание сидело в голове так же прочно, как уверенность, что утюг выключен, и так же подло рассыпалось на полпути от дома.

От перчатки тянуло аптекой и гвоздикой, едва уловимо, но безошибочно. Так пахло в фойе поликлиники, где Лера девочкой ждала очереди на прививку. Случайностью это быть не могло. Под ложечкой стало холодно, по-детски, как перед уколом.

Девушка осталась позади.

Через несколько минут впереди снова мелькнул столб. Ноль. Лера не считала: счёт здесь вела дорога, не она. Машина сама свернула на обочину, руки приняли решение раньше, чем до него добралась мысль.

Далеко за кромкой света что-то стояло. Чужое и знакомое, как выключатель в квартире, где не был двадцать лет: рука в темноте тянется к нему и находит пустую стену.

Это был человек. Один. Он стоял так, что нельзя было понять, смотрит он на дорогу или в лес. Он не двигался. Он не ждал машину.

Лицо тонуло в тени. Но в наклоне плеч, в чуть отстающей правой ноге было что-то, что отзывалось в её теле, в той части памяти, куда она никогда не заглядывала, потому что память эта была не её.

Лица его Лера не помнила. Помнило тело: руки, запястья, линию подбородка, всё, что она привыкла считать только своим. Оно узнавало его и отзывалось, как сквозняк отзывается на открытую дверь, хотя в доме все окна закрыты.

Отозвалось не в голове. Поясница, там, где кончается позвоночник и начинается ткань платья, потеплела, будто на неё легла ладонь. Легла по-хозяйски, спокойно, не спрашивая. Лера подалась назад, в спинку, и голые бёдра скрипнули по обивке. Она могла сесть иначе. Не села.

Дальше машина шла сама, так, как сама течёт вода. Руль Лера держала. Фары светили. Тепло сходило с поясницы медленно, как с остывающего камня. Обочина опустела, а в

салоне появилась ещё одна вещь: пропуск, картонный, потёртый по краям. На фотографии не она, не Илья, не Митя. Лицо стёрлось до пятна. В графе «цех» прочерк. В графе «до какого числа» сегодняшняя ночь.

Пропуск на одного человека.

Лера посмотрела на пассажирское сиденье. Рядом с перчаткой было пусто: ни вмятины, ни тепла. Эта пустота тоже стала вещью, ещё одной потерей.

А потом, метрах в двадцати впереди, там, куда доставал свет фар, возник муж.

Митя. Босой, мокрый насквозь. Вода с него не капала, она стояла на нём, как свет. Рубашка липла к груди, в волосах темнела свежая тина, с листиком и пузырьком воздуха в нити водоросли. Он стоял на осевой, на нулевой полосе, там, где сплошная. Смотрел так, как смотрят из окна уходящего поезда: не торопя, не прося, просто собирая на память.

От него шёл холод. Не ветер, а именно холод. Такой и в августе находит голую кожу под платьем и напоминает, что ты раздета.

Лера ударила по тормозам. Свет фар ушёл вперёд и ничего не нашёл: темнота приняла его без сопротивления, как вата принимает иглу. Никого. Только пыль и белая сплошная, от которой пахло озером.

Машина, летевшая на ста десяти, встала.

Как она вышла, Лера не помнила.

В пятне правой фары, у самых её ног, что-то блеснуло.

Она наклонилась.

Ключ. От мотеля, у которого не было ни номера, ни двери, ни названия. Ключ с целлофановым брелоком, вытертым чужой рукой. Он лежал на асфальте, на нулевой полосе, брелоком вверх, зубцами к ней. Как будто ждал.

Она не взяла его. Пошла к машине: шаг, ещё шаг. Руки тряслись, пальцы никак не находили ручку. И тут за спиной, где звуку взяться было неоткуда, раздался голос. Не из радио, не в ушах. Снизу, из-под асфальта, так говорят те, кто стоит в воде по грудь:

— Лер.

Один раз. Тепло, по-домашнему, с выдохом в конце. Так он звал её из кухни, из ванной, из-под одеяла. И выдох лёг ей на затылок, тёплый, хотя за спиной на двадцать метров не было никого.

Она не обернулась. Она знала: обернёшься на имя, произнесённое из пустоты, и вернёшься уже тенью, строчкой в списке, отметкой у столба с нулём. А счёт так и останется открытым.

Она села. Захлопнула дверь. Ключ не подняла и не посмотрела на него. Включила передачу, разогналась до ста двадцати, потом до ста сорока. Дорога приняла её обратно, целиком, вместе со скоростью и страхом, как море принимает упавшую бабочку и не выталкивает на поверхность.

Через двенадцать минут в свете фар возник столб. Белый, с чёрной цифрой: ноль.

На этот раз Лера не остановилась. Она проехала мимо, и никто не появился: ни девушка, ни безликий, ни Митя. Обочина стояла пустая, как зал после концерта, как палата после выписки.

Вещи остались при ней: перчатка, зажигалка, пропуск. А на потолке над водительским сиденьем, где утром ничего не было, проступило мокрое пятно. Маленькое, аккуратное, круглое. Пока она смотрела, оно набухло в каплю и упало ей на колено, на голую кожу. Холодное. Лера не стала вытирать.

Она смотрела на дорогу и уже не помнила, куда едет и зачем.

Сквозняк из приоткрытого окна лез под платье, гладил колено, где подсыхала капля. Лера чувствовала, как на лице смешалось всё сразу: то ли она сейчас заплачет, то ли рассмеётся, то ли окажется в чьей-нибудь постели.

Глава 2. Попутчик

Фары выхватили его из темноты посреди полосы, и Лера чуть не сбила его.

Человек не отшатнулся и даже не поднял рук. Он ждал, пока машина встанет, со спокойной уверенностью лифта, который приходит не потому, что его вызвали, а потому что вызов был.

Нога нажала на тормоз раньше, чем Лера успела решить. Машина замерла в трёх метрах. Он подошёл к водительской двери и наклонился. Окно было приоткрыто на ладонь, но слова прошли в щель так, будто стекла не было вовсе.

— Не бойся. Ты уже однажды проехала мимо меня.

Голос тонул в гуле мотора, хотя прозвучал совсем близко. Лера заглушила двигатель — и услышала его снова, уже без слов, как слышат отзвук в наступившей тишине.

— Илья, — представился он. — Сейчас не откроешь. Через минуту вспомнишь, что уже открывала.

Палец лёг на кнопку блокировки, а взгляд зацепился за его горло: из машины оно оказалось на уровне глаз. Над воротником, там, где у людей бьётся жилка, кожа была ровной и неподвижной. Смотреть туда было неловко, как входить в комнату, где человек переодевается. Лера смотрела.

Минуту спустя замок щёлкнул. Рука сделала то, что, по словам Ильи, уже делала однажды. Он сел рядом, и обивка

под ним осталась ровной: ни складки, ни вмятины, перчатка лежала у его бедра, где лежала. Будто вес его пришёлся не на сиденье, а куда-то ещё.

Ключ в замке зажигания Лера повернула, не спрашивая себя, куда они едут.

— Ты едешь на север. К морю. Вы вдвоём хотели начать там заново. Теперь едешь одна — начать без него. Но так не начинают, Лера. Так доезжают.

— Найди себе другую машину, — огрызнулась она и только потом удивилась собственной дерзости.

— Другая мне не нужна. Куда ты — туда и я.

На трассе Илья замолчал.

Сорок километров прошли без разговора. Лера достала телефон проверить связь, пропавшую ещё в городе, но вместо пустых делений на экране открылась галерея. Не последнее фото. Другое, которого она не снимала.

Снимок выглядел случайным: вытянутая рука, летний вечер, заправка с навесом, двумя колонками и ларьком под разнокалиберными вывесками, всё вместе, как вещи, брошенные в один чемодан перед отъездом. Та самая заправка. В кадре стояли двое: Лера, моложе на столько лет, что счёт не сходился, и Илья.

В салоне холодало. Лера никогда прежде не видела Илью, а фотография с невозмутимостью документа утверждала обратное.

Она смахнула снимок. Он остался. Она провела пальцем

сильнее: фотография послушно сдвинулась и тотчас вернулась на место, почти нежно. Боковая кнопка погасила экран. Тёмный телефон Лера зажала в кулаке, как гасят спичку, и ещё боялась разжать пальцы. Проверять, исчезло ли изображение, она не стала.

— Видишь? — тихо спросил Илья. — Оно держит тебя с той ночи, которая ещё не наступила. Крепко. Бережно. Оно всё делает бережно. Даже в худшем кошмаре не на что будет пожаловаться.

— Откуда снимок?

— Из той ночи. Снимает не тот, кто нажимает, а тот, кто оказался рядом. Держи телефон у тела. Не в сумке, не под подушкой. Так он быстрее научится слушаться.

Она убрала телефон в карман платья, не ответив. Впереди дорога подбиралась к склону и оттягивала крутой поворот, как оттягивают разговор, который страшно начать.

Низкий указательный столб мелькнул у обочины. Чёрное лобовое стекло отразило движение руля: Лера входила в длинный резкий поворот медленно, с осторожностью, с какой заходят в воду. Машина сопротивлялась всем весом. Правая рука привычно потянулась к рычагу передач, туда, куда ложилась сама, пока Лера думала о другом.

На рычаге уже лежала ладонь Ильи. Пальцы совпали: его костяшки вошли между её пальцами, её указательный лёг в изгиб его большого. На секунду. Может, на полторы.

Лера отдёрнула руку. Передача рыкнула, машину пове-

ло, плечо бросило к двери; руль выправился без её помощи. Илья тоже убрал ладонь. Ни извинения, ни взгляда в её сторону: он смотрел на рычаг, где только что лежали их руки.

— Вот так и происходит, — сказал он. — Рука помнит раньше тебя. Ты не собиралась поворачивать здесь. Я не собирался класть руку на рычаг. Дорога попросила, и мы послушались.

— Больше так не делай.

— Я и не делал. В этом и ужас, Лера. И не только в этом.

Его тепло осталось у неё в ладони. Лера сжала пальцы, пытаясь стереть ощущение, но оно ушло глубже кожи, туда, где отдаётся пульс. На каждом следующем повороте она ждала прикосновения, как ждут приступа: зная, что он близко, и не смея посмотреть на часы.

Серпантин блестел влагой, хотя дождя не было. Лера сбросила скорость сильнее, чем требовали повороты. Перед каждым изгибом ладонь опускалась на рычаг чуть раньше нужного и оставалась там, когда дорога уже выпрямлялась. Рука Ильи лежала рядом. Между пальцами сохранялось полсантиметра: достаточно, чтобы касание пока не случилось. Лера не отодвигалась. Пугало это сильнее самого тепла: она не выбирала близость и не прекращала её. Полсантиметра стали геометрией дороги, узким зазором между двумя руками, и она знала, как мало нужно, чтобы капля на краю стекла сорвалась.

Капля сорвалась. Упала на набалдашник рычага, ровно в

зазор. Потом ещё одна, с тем же промежутком. Лера поймала себя на том, что считает, и поняла, что считает собственный пульс: он бился в запястье вровень с каплями.

Илья смотрел на мокрую точку, не на неё.

— Девяносто, — сказал он. — Давно у тебя столько не было.

— Скажи, чьи пальцы на снимке, — сказала Лера, глядя в чёрное стекло.

— Не скажу. Не потому, что не знаю. Ты сама узнаешь. Все узнают. Страшнее всего, что узнаешь не глазами. Запястьем.

Впереди проступил белый столб с чёрной цифрой.

Ноль.

Лера не снизила скорость. Когда столб прошёл через свет фар, на бетонной грани, на уровне её глаз, обнаружилась ещё одна отметка. Свежая царапина, будто проведённая ногтем: белая крошка в борозде, влажный бетон под ней. Кто-то вёл счёт поверх цифр на столбах.

«1».

Дорога начала считать. Не столбы. Что-то другое.

Через километр Лера съехала на гравий и выключила зажигание. Решение она увидела уже готовым, как смотрят на подпись, поставленную чужой рукой. Вышла первой, не дав ему обойти машину.

Ночь была настоящая: ветер, звёзды, холод, который честно брал за горло. Город остался за десятками столбов вместе

с приличиями, чужими взглядами, «можно» и «нельзя», и здесь им мешала только дорога. А дорога молчала. Вся прошлая жизнь уместилась в одно слово: тогда.

Капот ещё дышал жаром мотора. Лера положила на него ладони. Металл обдал пальцы, как чужой лоб в лихорадке, и жар пошёл по рукам вверх, к плечам, вниз по позвоночнику, пока не упёрся в холод, гулявший под подолом.

Она не оглянулась. Оглянуться значило просить разрешения, а разрешение было не нужно. Взяла платье за подол и потянула вверх. Ткань пошла по бёдрам с неохотой, с какой поднимают руку, закрывая лицо, зная, что смотреть будут; по рёбрам, по груди, через голову. Ветер подхватил её раньше пальцев. Она бросила платье на лобовое стекло, и оно легло, как брошенная перчатка. Телефон остался в кармане, прижатый к стеклу. Под платьем не было ничего. Это «ничего» она везла с самого дома, и теперь о нём знал ветер. Сделала она это не для него. Тело попросило и получило в одном движении, впервые за двенадцать лет.

Потом наклонилась на капот. Медленно, всем телом, как входят в воду, с которой уже заключили союз: грудью в тёплый металл, щекой в пыль, волосами в тёмный воздух. Соски стянуло от разницы температур: жар снизу, холод сверху.

За спиной тихо закрылась дверь, так закрывают чужой дом, в котором уже никто не спит.

Его шагов она не слышала. Она чувствовала их кожей спины, как чувствуют приближение жара от открытой духовки:

сначала воздух, потом тепло, потом ладонь. Ладонь остановилась в сантиметре над поясницей, там, где все эти ночи стоял холод и пустота ждала заполнения. Лера узнала это тепло: оно уже ложилось на неё на обочине, и тело ахнуло изнутри, без единого звука. Илья стоял вплотную: его ткань в сантиметре от её кожи, дыхание шевелило пушок на шее, и он не касался. Он смотрел на её спину, выгнутую над капотом, как смотрят на карту страны, по которой собираются идти, и от этого взгляда кожа горела, как от солнца, которое не светит, а припоминает.

— Не оборачивайся, — сказал он низко, у её затылка. — Скажи, если станет много. Скажи «стоп», и будет стоп.

— Не станет много, — сказала Лера в тёмный капот. Голос вышел хриплым, как после долгого молчания. — Мне нельзя мало. Мне двенадцать лет было мало.

Тогда он коснулся её. Обеими руками, от поясницы вверх, ладонями по бокам, к рёбрам, к тому, что вздрагивало под пальцами раньше, чем пальцы дошли. Лера поднялась над капотом сама, ему навстречу: её тело уже держалось не на металле, а на его руках. Он повернул её, неторопливо, как поворачивают страницу, лицом к себе, и на одно долгое мгновение она увидела его лицо над собой: бледное, сосредоточенное, с той простотой желания, которая бывает только у правды.

Их губы встретились раньше, чем она успела испугаться, и поцелуй был не вежливым и не жадным: он был взятым.

Он целовал её, как пьют воду после долгой жажды, глубоко, не спрашивая, и она отвечала, вцепившись пальцами в его ворот, притягивая, отнимая, возвращая. Воздух между ними кончился и не понадобился.

Он поднял её на капот без усилия, но металл под её весом коротко щёлкнул, остывая. Жар ударил в ягодицы и бёдра, холод лёг на грудь, а между ними оказался он: руки гасили холод сверху, жар не пускал дрожь вниз. Он встал между её коленями и на секунду замер, глядя ей в глаза: последний немой вопрос, которого дорога не задаёт никогда. Лера ответила тем, что раскрылась сама, всем весом, с честностью, на какую способно только тело, переставшее притворяться.

Он вошёл, и она выдохнула сквозь зубы. Не от боли: от слишком точного совпадения. Первые секунды вышли неловкими. Колено ударилось о его бедро, прядь волос попала между ртами, капот под ягодицами оказался горячее, чем она рассчитывала, и она зашипела и засмеялась разом, коротко, некрасиво. Илья не засмеялся. Он замер, пережидая, пока она привыкнет, и от этой паузы, от заботы в ней, ей стало страшнее, чем от самого входа.

Потом пустота, двенадцать лет державшая форму, разомкнулась изнутри, как воск от тепла. Это было не раскрытие, а узнавание: тело знало, куда он идёт, раньше, чем он дошёл.

Ритм задал он, и был это не ритм, а счёт: медленный, глубокий, верный. На пыльный капот у её щеки упала капля. Круглая тёмная точка, и ни облака на небе. Потом ещё одна,

ровно с его движением.

Лера считала. Иначе она не умела. Двадцать. Двадцать один. Капот отдавал жар мотора ей в лопатки, его грудь отдавала жар живого ей в грудь, и обе жары замкнулись в ней, как цепь. Тридцать восемь. Сорок. Голос шёл из горла громче, чем она хотела, и честнее, чем когда-либо в жизни. Сорок девять. Она подалась навстречу всем весом, до последнего сантиметра, упёрлась пятками ему в поясницу, торопя, и капли подчинились ей, пошли чаще. Пятьдесят шесть. Шестьдесят.

Она не назвала имени. Она сказала: «ещё».

И Илья ответил: ускорился, не по её просьбе и не по своей воле, а по какой-то общей, которой секунду назад не было. Его ладонь легла ей на затылок так, как держал её голову Митя, а вторая сжала бедро так, как не держал никто. Лера на полсекунды, не открывая глаз, не знала, чья это рука. Запястье знало.

На шестьдесят втором она сбилась.

На один удар их дыхание совпало. На второй дорога не успела подстроиться: у живого ритма нет предыдущего такта.

Пик пришёл не взрывом, а приливом: из бёдер вверх по позвоночнику, к затылку, туда, где хранится рука. Лера закричала, впервые за все ночи, вслух, в небо, которое никому не принадлежало и оттого принадлежало ей. Она кончила, вцепившись в его плечи так, что хрустнули суставы пальцев. В самом высоком мгновении почувствовала, как он дрогнул

внутри глубоким толчком, чужим и её собственным сразу. Их голоса сложились в одну ноту, и та повисла над трассой, как фонарь над пустой остановкой. Счёта не было. Впервые за ночь никто его не вёл.

Тишина после была полной. Ночь дышала. Ветер шевелил волосы, разметанные по капоту. Капот остывал медленно, дольше, чем положено металлу, и Лера, не разгибаясь, чувствовала на пояснице тёплый отпечаток ладони. Не синяк. Не расплата. На пыльном металле у её лица темнели круглые точки. Пересчитывать их она не стала. На лобовом стекле, в кармане брошенного платья, коротко осветился экран.

Печать согласия.

— Ты знаешь, что она это записала, — сказал Илья тихо за спиной. Он ещё держал её за бёдра, не отпускал, как не отпускают то, что вот-вот заберут.

— Пусть, — сказала Лера. — Это первая запись, сделанная моим почерком.

Глава 3. Пиджак

Он вышел первым. Прежде чем закрыть дверь, стянул пиджак и бросил на пассажирское сиденье.

— Подержи. Он тёплый.

Пиджак лёг на обивку и не примял её. Лера накрыла его ладонью. Подкладка хранила тепло ровное, живое, как у спящего рядом.

— Не выходи из машины, — сказал Илья в приоткрытое окно.

Шаг, и граница света сомкнулась за ним, как вода.

Лера вжалась в спинку. Ткань приняла её, как принимают обморок: мягко, не спрашивая.

— Пока идёт стук, оно на крыше. Когда перестанет, переберётся внутрь. Считай капли, Лера. Досчитаешь до тридцати, я успею вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.